

впечатление, что не столько в империи не было стремления к обращению военнопленных в рабов, сколько «давление» и угроза варварской периферии вынуждали отказываться от этого; быть может, внешние факторы играли не меньшую роль, чем внутренние, в развитии тенденции к отказу от применения рабского труда.

Археологические данные свидетельствуют о сохранении многих рабовладельческих вилл на Балканах до середины V в. Судя по этим данным, большая их часть была уничтожена в ходе варварских вторжений.

То, что издание закона 409 г. было вызвано местной ситуацией, местными обстоятельствами, достаточно наглядно подтверждается тем, что его положениям не было дано более широкой ориентации. Наоборот, в нем непрерывно подчеркивается, что оно касается только скиров. Закон адресован только собственникам одного района империи. Тот факт, что впоследствии он с его «радикальными» положениями не был включен в Кодекс Юстиниана, лишний раз свидетельствует о том, что его рассматривали как вынужденное временное постановление.

Может быть, этим отчасти и объясняется то конкретное обстоятельство, что балканские провинции на протяжении почти всего V в. были объектом достаточно успешных и глубоких варварских вторжений. Нежелание местных собственников и правительства отказываться от применения рабского труда создало благоприятные условия для вторжений, и, таким образом, стремление местных рабовладельцев сохранить рабство, а не только сила варваров во многом объясняет остро кризисную ситуацию на Балканах в V в. Обстановка здесь, возможно, была бы несколько иной если бы в политике местных рабовладельцев и правительства действительно возобладала та тенденция, которые пока что без достаточных оснований приписывают им на основе анализа закона 409 г.

Мы подробно остановились на этом законе не только потому, что на основании его делаются самые широкие выводы о переломе в отношении к использованию рабского труда²⁶. Нам кажется, что, по данным законодательства в рассматриваемый период (до издания Кодекса Юстиниана), о таком переломном моменте едва ли можно говорить.

Исследователи отмечают, что когда империя в VI в. оправилась и развернула наступательные войны, значительная часть захваченных военнопленных была обращена в рабов²⁷. Таким образом, тенденция к пополнению числа рабов в империи из внешних источников в результате войн продолжала сохраняться и в этом столетии.

Обращает на себя внимание, что и в конце VI в. собственники выражали радость по поводу ставших уже нечастыми побед византийских императоров и захвата ими пленных, потому что это давало им возможность пополнить число рабов. Евагрий был в восторге от того, что Маврикий привез много взятых в плен рабов. «Они же, наконец, и во всяком доме стали выполнять домашние работы, потому что приобретение их сделалось весьма легким» (Евагр., 19). Последнее замечание говорит о том, что трудности получения рабов извне в конце VI в. все более возрастали, и это, видимо, сыграло немалую роль в углублении кризиса рабства в Византии V—VI вв. Во всяком случае, тот факт, что и в VI в. при всякой возможности возрастало обращение пленных в рабов, свидетельствует о сохранившихся внутренних тенденциях к поддержанию рабства. По-видимому, и для всего VI в. приходится не столько говорить о падении интереса к получению рабов, в том числе и в результате войн, сколько о сокращении реальных возможностей для этого. На наш взгляд, не только внутренние тенденции,

²⁶ См., например: Д. Ангелов. О некоторых проблемах социально-экономического развития Юго-Восточной Европы во II—V вв. и переходе от античности к средневековью. — XIII Международный конгресс исторических наук. Москва, 16—23 августа 1970 г.» Доклады. М., 1970, стр. 6 и др.

²⁷ З. В. Удальцова. Указ. соч., стр. 5—6.